

УДК 7.046.1:165+316.75

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

Шифр специальности ВАК: 09.00.11

Специфика мифологии масс

Н.И. Петев✉

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, г. Владимир*

✉ cyanideemo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика массовой мифологии как феномена современной культуры и сознания индивида. Автор выявляет и анализирует специфические черты и условия формирования массовых (искусственных) мифологем, а также трансформацию различных феноменов, которые наполняются новым содержанием. Также рассматривается транспозиция «нуминозного», для которого традиционной является область религиозного, в не-религиозные сферы. **Цель:** выявить внутреннее содержание мифологии масс, причины и условия её актуализации, а также установить метаморфозы, которые она инициирует. Интегрирование массовых мифов имеет двухстороннее последствие: с одной стороны, переход «сакрального» в иные сферы, что предполагает компенсацию при кризисе религиозных систем, с другой – очевидным становится интенсификация процесса маргинализации «священного» и связанного с ним понятий и явлений. Важным аспектом является проблематика новаторства и собственно производительных способностей массовой мифологии. Особенность данного процесса, а также использование определённых «ресурсов» обуславливают содержание создаваемого продукта. Он, в свою очередь, репрезентирует архитектуру мифологии масс, что создаёт благотворную почву для её развития и интеграции в сознание индивида. **Методы:** диалектический метод, позволяющий выявить и проанализировать те противоречия, которые присутствуют в рамках реализации массовых мифологем, в частности соотношение пассивности и динамизма, прогресса и маргинализации и т. д.; метод моделирования, способствующий формированию представления о массовой мифологии как динамичной целостной системе, которая постоянно изменяется в зависимости от этиологического и телеологического примата; метод анализа и синтеза, позволяющий глубже проникнуть в суть проблемы, связанной с формированием и интегрированием массовых мифологем, а также выявить причины и условия возникновения и развития массовой мифологии; психологический подход, делает возможным выявить основные компоненты данной мифологии, которые эффективнее и успешнее воспринимаются массами. Религиоведческий подход применялся при рассмотрении таких феноменов, как «сакральность», «чудо» и т. д., а также при анализе, собственно, явления массовой мифологии. **Результаты:** выявлены условия формирования массовых мифологем, такие как доступность, отсутствие вариативности, каналы передачи и т. д.; обнаружено отсутствие непосредственно производственных сил массовой мифологии; установлены метаморфозы такого феномена, как время, в парадигме его определения как ресурса в аспекте динамизма; определена искусственная и спекулятивная драпировка рациональностью некоторых положений массовых мифологем; проанализированы концепции скорости и динамизма в области формирования массовой мифологии, имеющие императивный характер; выявлены такие черты, как дискретность и фрагментарность, присущие сознанию индивида в парадигме влияния мифологии масс; установлен процесс транспозиции «сакрального» в рамках актуализации мифологии масс, а также факт снятия такого его качества, как чуждость; выявлена тенденция массовой мифологии к формированию автономной реальности; проанализировано соотношение императивности активности мифологии масс и пассивности массового индивида.

Ключевые слова: массовая мифология, время и пространство, производство, ресурсы, «сакральное», чудеса, массы, социум

Для цитирования: Петев Н.И. Специфика мифологии масс // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 1. – С. 120–137. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

UDC 7.046.1:165+316.75

DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

Specifics of the mythology of masses

N.I. Petev✉

Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation.

✉cyanideemo@mail.ru

Abstract. This article examines the problems of mass mythology as a phenomenon of modern culture and individual consciousness. The author identifies and analyzes the specific features and conditions of the formation of mass (artificial) mythologies, as well as the transformation of various phenomena that are filled with completely new content. The transposition of the «numinous», for which the area of the religious is traditional, into non-religious spheres is also considered. **Aim.** To identify the inner content of the mythology of masses, the causes and conditions of its actualization, as well as to establish the metamorphoses that it initiates. The integration of mass myths has a two-way consequence: on the one hand, the transition of the «sacred» into other spheres, which implies compensation in the crisis of religious systems, on the other hand, the intensification of marginalization of the «sacred» and related concepts and phenomena becomes obvious. An important aspect in this study is the problem of innovation and the actual productive abilities of mass mythology. The peculiarity of this process, as well as the use of certain «resources» determines the content of the product being created. It represents, in its turn, the architectonics of the mythology of masses, which creates a beneficial ground for its development and integration into the consciousness of the individual. **Methodology.** The dialectical method is used in this work. It allows us to identify and analyze the contradictions that are present in the framework of the implementation of mass mythologies, in particular the ratio of passivity and dynamism, progress and marginalization, etc. The modeling method allows us to form an idea of mass mythology as a dynamic holistic system that is constantly changing depending on the etiological and teleological primacy. The method of analysis and synthesis allows us to get deeper into the essence of the problem associated with the formation and integration of mass mythologies. In addition, this method allows us to identify the causes and conditions of the emergence and development of mass mythology. The psychological approach allows us to identify the main components of this mythology, which are more effectively and successfully perceived by the masses. The religious approach was applied when considering such phenomena as «sacredness», «miracle», etc., as well as when analyzing the phenomenon of mass mythology itself. **Results.** The author revealed the conditions for the formation of mass mythologies, such as: accessibility, lack of variability, transmission channels, etc. He revealed as well the absence of the actual production forces of mass mythology. The author established the metamorphoses of such a phenomenon as time within the framework of its definition as a resource in the aspect of dynamism as well as artificial and speculative draping by rationality of some provisions of mass mythologies. The paper analyzes the concepts of speed and dynamism within the framework of the formation of mass mythology, which have an imperative character. The author revealed such features as discreteness and fragmentation inherent in the consciousness of an individual in the paradigm of the influence of mass mythology. He established transposition of the «sacred» within the framework of the actualization of mass mythology, as well as the removal of such a quality as alienness. The author revealed the tendency of mass mythology to form an autonomous reality and analyzed the correlation between the imperative activity of the mythology of the masses and the passivity of the mass individual.

Keywords: mass mythology, time and space, production, resources, «sacred», miracles, masses, society

For citation: Petev N.I. Specifics of the mythology of masses. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 1, pp. 120–137. DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1705

Проблема массового сознания и культуры затрагивает все сферы человеческого существования, в том числе религию. Массовому обществу не только противопоставляется элитарное, но и отмечается тот факт, что первое не просто претендует на власть и силу. Массы становятся тем, что «реквизирует» их в собственное пользование, в частности у элиты [1, 2]. Более

того, некоторые исследователи отмечают, что именно демократические системы власти становятся крайне уязвимы перед политикой масс [3]. Вместе с тем элитарность в своих радикальных формах является прототипом массового человека. Элитарное мышление и чувство в настоящее время трансформировались в массовые мифы, которые распространяются в социуме с огромной скоростью. Можно отметить следующие яркие черты массовости: отчуждение и дистанция индивида и общества [3], притеснение неконформистского творческого духа со стороны чрезмерно упрощающего большинства, склонного к стереотипному мышлению [4], кризис идентичности [5], социальная изоляция и единообразие поведения/связей/реакции [6] и т. д.

Разделение человеческих сфер деятельности и её продуктов, как, например, искусства и культуры, на элитарную и массовую не является секретом. Процесс этой демаркации берёт своё начало в глубокой древности. Область религиозного также не является исключением. Например, М. Элиаде выделял «сказания истинные» (сакральные, тайные) и «сказания вымышленные» (светские, пересказываемые публично) [7, с. 19–21]. Некоторые мифы озвучивались в узком кругу (тайных обществах, союзах) или передавались от одного человека к другому (от одного шамана к другому). Вышесказанное справедливо и для ритуальных действий. Мифология масс – симптом двойки. С одной стороны, он указывает на транспозицию мифа и мифотворчества в иные сферы, с другой – на маргинализацию, которая связана с бесконечным производством искусственных мифологем.

Мифология масс инициирована не древним «истокон», не исторической авторитетностью, не трансмиссией традиций и т. д. Будучи искусственным конструктом её генезис выходит за пределы индивидуального или группового творчества и экзистенции, создавая своё собственное онто-гносеологическое пространство. Мифология масс представляет собой систему идей, представлений и т. д., сформированную в рамках прагматической телеологии и этиологии одного или нескольких индивидов (группы). Если традиционный миф не является изобретением архаичной (примитивной) ментальности, то современная мифология, в частности массовая, является продуктом сознания индивида/группы. Мифология масс не является мифом со всеми его качествами и спецификами, но она заимствует отдельные компоненты и инструменты для собственной актуализации и адаптации. Особенностью в данном случае является то, что такая система при интенсивном развитии и интеграции обретает автономию и развивается независимо от первоначального источника. Если рационализация приводит к деструкции содержания традиционного мифа, то в парадигме исследуемой мифологии наоборот. Более того, можно указать на постоянную трансгрессию и подстановку «рационального-иррационального», формально-логического и чувственного и т. д. Благодаря современным СМИ, виртуально-цифровому пространству, вычислительной технике и технологиям появляются новые суррогаты традиционного мифа, которые под воздействием этих сфер не только развиваются, но и приобретают свой суверенитет. Все сферы человеческой жизни (социально-экономическая, эстетическая, политическая, этическая и т. д.) подвергаются тенденции воспроизводства искусственных мифологем, которые в дальнейшем приобретают массовый характер. И эти мифологические конструкты не являются «остатком» примитивного мышления или когнитивным рудиментом, а совершенно новыми образованиями.

Стоит указать, что многие исследователи мифа, в частности К. Деви-Стросс, опираются на исследование мифа через призму культуры архаических народов, племён и групп, используя методы языкового исследования. Р. Барт в свой «Мифологии» анализирует современные мифологемы, опосредовано указывая на широкий диапазон их влияния и распространения. Однако для него мифология, как и миф, ограничивается лишь семиотикой и рамками дискурса, что исключает дифференциацию традиционного мифа и современных искусственных мифологем. К. Хюбнер проводил глубокий анализ феномена мифа (а также исследование феномена нуминозного) и пришёл к выводу, что миф есть система реальности или мышления и опыта.

Однако он не установил демаркацию между индивидуальным и коллективным опытом/мышлением. Последнее имеет свою специфику и характерные черты. А.Ф. Ильин указывает на личностную (миф есть имя, личность, слово и т. д.) особенность мифа. Вместе с тем в настоящее время существуют факторы, которые узурпируют и доминируют в процессе формирования и коррекции мышления и опыта индивида. В частности, влияние СМИ, виртуально-цифрового пространства, а также различных медиа создают условия подмены индивидуального мышления и опыта групповым/коллективным, а впоследствии – и массовым. Учитывая диапазон влияния и глубину интеграции вышеуказанных явлений, стоит принимать во внимание то, что метаморфозы не только выходят за пределы условно-локальных границ (индивид, группа и т. д.), но и корректируют «изменения» мышления и опыта в соответствии со своей спецификой.

Стоит указать на особую абсолютизацию массы самой себя. Дело в том, что она не признает никого выше себя [8]. Массы не терпят ограничений или каких-либо препятствий, так как они не привыкли к тому, что какие-либо границы вообще возможны в этом мире. Возникшие в почве недостатка, многообразия и избытка массы требуют всего этого как простой факт. Но изобилие не должно быть статичным. Массы обладают патологическим, можно даже сказать невротическим, стремлением удовлетворения влечения к неомании. Пароксизмальное стремление к новому порождает определённые проблемы. Сфера религиозного, а именно устоявшиеся системы как, например, христианство, ислам иудаизм и т. д., преисполнены различными догматами и устоявшимися представлениями, что исключает высокую степень новаторства. Традиционные религии крайне сомнительно относятся к тенденциям модернизма, и тому есть объективные причины. Компенсировать же эту жажду новаторства позволяют иные сферы. Многие из них представляют собой «благодетельную почву» для формирования различных мифологем (как, например, область политики). Вместе с тем эти мифологии могут выступать суррогатом «сакрального», в частности, благодаря тому, что это понятие, как и многие другие сложные религиозные феномены, настолько изменяются, проникая в массы, что для него может быть установлено тождество между религиозным (сакральным) и вне-религиозным. Р. Отто говорил о нуминозном как о своеобразной форме оценки и толкования, а также как об особом состоянии, которое вызывает объект, называемый нуминозным (священным) [9]. Этот объект воспринимается как нечто «совершенно иное», отличающееся и превосходящее индивида. Он вызывает ряд чувств начиная от страха и заканчивая священным трепетом. Вместе с тем «иное» всегда интерпретируется как нечто, что располагается за пределами человеческой действительности, а потому вызывает неукротимый интерес. Эта некая специфическая экзистенциальная тяга не только выражается в формах приобщения и переживания, но и в тенденциях овладения и абсорбции. Подобная экспансия предполагает не ожидания и претерпевания в рамках установленных границ священного (религиозного), но его систематическую экстраполяцию на иные сферы.

Итак, П. Буайе отмечает, что идеи, «возбуждающие» больше систем логического вывода, больше соответствующие ожиданиям и дающие более обильный урожай умозаключений, имеют большую возможность быть усвоенными и переданными [10]. Можно представить, что если человеческий мозг действительно работает, как об этом говорит П. Буайе, тогда справедливо предположить, насколько широкий диапазон различных мифологем, в том числе сакральных, может предоставить мифотворчество в не-религиозных сферах. Зачем ждать «чуда», когда оно может быть частью повседневности, независимо от того, какое деструктивное влияние подобный процесс производства, а точнее его симуляция, в результате оказывает.

Массы любят и принимают только то, что является их зеркальным отражением. Отдельные открытия, достижения и т. д. являются детищем отдельных индивидов, а масса пользуется этими успехами. Более того, они не терпят никакого превосходства над собой, поэтому

масса делает таких отдельных производителей прогресса своими жертвами и мучениками [11]. Такова схема «приобретения» желаемого массами, особенно в парадигме неомании. Массовость узурпирует всё, что ей может пригодиться, и изменяет это так, чтобы удовлетворять необходимые потребности. Возникает вопрос о том, должна ли быть мифология массы разработана во всех деталях, чтобы производить требуемый эффект. С одной стороны, это должен быть готовый продукт, что указывает на некий моменте завершенности. Но это законченность лишь фикция. Различные мифологемы должны иметь возможность иных интерпретаций, но не со стороны потребителя, а лишь со стороны производителя (индивида, группы или самой системы). Для того, кто потребляет, всё изначально определено. К.Г. Юнг указывал, что опыт массы (толпы) предполагает более низкий уровень сознания, чем индивидуальный, этот групповой опыт ближе к примитивному мышлению и предполагает большую силу внушаемости [12]. Подобная внушаемость играет важную роль в интеграции мифологем. Иллюзия законченности, таким образом, принимается за действительное положение вещей. С другой стороны, последовательность, проработанность и завершенность являются не только факторами необязательными, но и чрезмерными. Конкретная референтность способна уничтожить мифологию масс: она противостоит принципам потребляемости, доступности и универсальности. Достаточно одной центральной идеи (формальной, абстрактной, эфемерной) – остальные же могут трансформироваться по мере необходимости. Можно сказать, что схема схожа с концепцией научно-исследовательских программ И. Лакатоса: центральную идею (ядро), защищают её вторичные, заменяемые элементы (оболочка).

Кризис религиозности (особенно традиционных религий) – необязательный фактор, но вполне способствующий развитию искусственной мифологии, в том числе мифологию масс. Интенсивная адаптация религиозных взглядов к общественным потребностям ведёт к утрате их первичного значения [13]. Параллельно данной девальвации и деструкции значения у человека наличествует склонность к мифотворчеству. В частности, Р. Докинз приводит несколько интересных примеров мифотворчества примитивных народов (Карго-культ, культ Джона Фрума и культ принца Филиппа) [14]. Сюда же можно отнести различные городские мифы и легенды. Ре-интерпретация мифа или какого-то конкретного элемента вероучения вполне может рассматриваться как процесс создания мифа. Ярким примером служит организация «Свидетели Иеговы». Они устраняют самые критичные элементы христианского вероучения (Триединство, божественность Христа и т. д.). Это те компоненты, которые труднее всего понять «среднему» верующему. Но вместе с тем многие члены данной организации даже не задумываются о том, как можно быть христианином, отвергая Христа как Бога. При глубоком анализе выявляется множество ошибок и непоследовательности в данном вероучении, но подчинённость всего «теоретического блока» одной простой идее (единственный Бог), позволяет варьировать остальные второстепенные представления. Подобное присуще и мифологии масс, а диапазон вариаций увеличивается при изменении сферы образования мифологемы либо при контаминации этих областей (например, религиозной и политической).

Можно выделить следующие характерные условия формирования мифологии масс:

1. Необходимо исключить индивидуальную обработку искусственных мифологем (разумом, воображением и т. д.). Стоит подчеркнуть, что если рациональное осмысление может привести к развенчиванию массовой мифологемы, то воображение способно увести индивида далеко за её пределы, что приведёт к последующей деактуализации. Как готовый продукт мифологемы должны соответствовать критериям доступности, актуализации и универсальности. Доступность предполагает бесконечную делимость и воспроизводимость. Чем меньше в массовой мифологеме компонентов реальности и материальности, тем успешнее репликация и распределение. Актуализация предполагает релевантность, но не реальности, а массовости. Универсальность предполагает, что эта мифологема способна интегрироваться в сознание максимально возможного количества индивидов. Массовое сознание не восприимчи-

во к доводам разума и объективным аргументам. Критическое и рациональное осмысление, последовательность, схематизация, теоретические выкладки, практическая ориентированность слишком тяжеловесны для массы. Идея должна быть проста, при этом настолько, что эта простота будет критерием действительности. Аналогичное положение вещей можно встретить в мифе о литературе Мину Друэ у Р. Барта [15]. Сложные рациональные конструкции инициируют живое движение мысли, которое не оставляет места для иллюзий массового человека. Подобное свойственно и для самого «нуминозного». Понятия и категории создают границы для искусственной мифологии, которые она не способна преодолеть. Мысль должна быть заменена на чувства, ведь именно они внушают и управляют массами. Яркие образы, постоянное повторение идеи, догматическое утверждение (даже если оно не основано на объективной действительности), сверхъестественные иллюзии – это то, что воспринимается и желаемо массовым сознанием и что использует массовая мифология для своей интеграции и развития. Насколько бы фантастическими не были идеи, возбуждающие чувства масс, они всегда будут восприниматься как действительные и даже неизбежные. «Сверхъестественное» как категория веры (нуминозного) не существует для массовой психологии, так как в своей традиционной интерпретации она предполагает деление всех явлений на две радикальные сферы: включённую в повседневную реальность и находящуюся вне её. Чудесное, легендарное, фантастическое всегда включено в «естественное», то есть присуще повседневности. В противовес этому ставится категория «противоестественного», в которое включается то, что не соответствует массовому сознанию, даже если это имеет свою объективную инкарнацию в материальной реальности.

2. Исключить возможность вариативности. Другим успешным подходом является установление узкого диапазона альтернатив, соответствующих общей системе. Последнее предполагает адаптацию мифологии масс и устанавливает возможность внутри неё различных идеологических метаморфоз. Проблема вариативности связана с такой чертой масс, как односторонность. В частности, причиной вышеуказанного является отсутствие критического отношения, а также догматическое принятие той или иной идеи без колебаний и сомнений. Любая действительная вариативность предполагает плюрализм суждений, отношений и точек зрения. Вместе с тем массы не желают иметь повода, который может привести к сомнению. Даже обсуждение в подобной парадигме вещей – фактор, раздражающий и вызывающий агрессию и неприятие. Но стоит также указать, что массовое сознание привлекает изобилие не только количества потребляемого, но и такой потребительский фактор как доступное многообразие. Последнее не должно вызывать категорических противоречий или взаимоисключение при выборе. Даже если оппозиция и возникает, то она должна быть условной, то есть не должна влиять на возможность потребления. Ярким примером является политическая оппозиция в философии Ж. Бодрийяра [16].

3. Установление конкретного текстуального, подтекстуального и контекстуального мас-сива. Средства передачи информации (мифологемы масс), в частности определённые знаки, должны установить конкретную парадигму толкования и интерпретации. Одним из важнейших моментов в данном процессе является строгая ограниченность вариаций понимания передаваемого сообщения. Его текст должен обладать рядом характеристик: простота, немногосложность, буквальность, подстановочность смыслов, изобилие аналогий и т. д. Несмотря на то, что слова как элементы знаково-символической системы могут обладать широким диапазоном трактовок, массовая мифология ликвидирует подобное положение вещей, навязывая собственное их значение. Она не только создаёт свой «словарь» (напоминающий «африканскую грамматику» Р. Барта [15]), но и нормы употребления слов в предложении. Ярким примером является современная реклама, в которой индивидуальные качества отчуждаются, передаются определённому продукту и обратное их возвращение возможно лишь при потреблении этой продукции: «твоя красота – это косметика», «сотовый оператор – индивиду-

альность», «новый автомобиль – свобода», «парфюм – сексуальность» и т. д. Стоит указать, что еда и сексуальность являются популярными темами современной рекламы и массмедиа. Данные компоненты имманентно и опосредовано включаются при рекламе любого продукта потребления, даже не связанного с данными феноменами.

4. Обеспечение адресата «ключом» для транскрипции знаковой системы, установленной искусственной мифологией. Недостаточно просто передать мифологему как совокупность знаков, если «получатель» не способен её расшифровать. Дешифратор должен соответствовать знаковым и смысловым аспектам массовости для эффективной узнаваемости, усвоения и передачи. Несомненно, что такой «ключ» создаётся самой массовой мифологией и интегрируется в сознание индивида постоянным повторением мотивов, сюжетов, значений и ряда интерпретаций мифологем.

5. Установление эффективного канала передачи. Это условие не менее важно, чем предыдущие. Дело в том, что от этого зависит не только качество внедрения мифологемы и затрачиваемое время её интегрирования, но и вообще возможность передачи. Искажение мифологемы является неотъемлемым аспектом её передачи. Можно сказать, что есть некая «нормальность отклонения», при которой деформация незначительна. Но вместе с тем сильное искажение недопустимо, особенно если она влияет на фундаментальную идею. Неверный канал передачи может полностью лишить возможности трансляции. Несомненно, что для мифологии масс доступным и рабочим является культура, а также массмедиа. Культура формирует представление о том, что такое для индивида реальность, в частности социальная. Таким образом, это не только самый эффективный для интеграции канал, но и имеющий всеобщий охват. Другим каналом является средства массовой информации. Ж. Бодрийяр указывал на способность формирования «реальности» средствами массовой информации [16]. «Реальность» складывается по определённому сценарию или схеме, продиктованной массовой мифологией. Культура и массмедиа являются зеркальным отражением этой системы, а потому обретают нормативный и законодательный статус. Отметим, что некоторые исследователи рассматривают влияние медиа, в частности в аспекте морального упадка и распространения насилия, как медицинскую проблему, которая подлежит медицинской диагностике и лечению [17]. Но вместе с тем в данном случае возникает проблема, что именно устраняется – истинные причины или симптомы.

6. Установление благоприятных условий передачи. Обеспечение благоприятных социально-политических, экономических, нравственных и прочих условий, а также релевантность психическим установкам и ментальности – благоприятная почва взращивания массовых мифологем. Условия могут иметь как характер «изобилия», так и «недостатка». Для каждой отдельной мифологемы требуются свои собственные, хотя и не полностью индивидуальные основы. Одни из них «расцветают» на фундаменте достатка и излишек, другие – в рамках «голода».

Несомненно, что религиозные компоненты (вероучения, обряды и т. д.) претерпевают определённые изменения (редукцию), когда опускаются в сферу массы. Но зависит ли она сама от них: и да, и нет. Да, потому что невозможно отрицать значения религии для человека. Даже в период высокого уровня развития науки и техники религиозные системы не только продолжают существовать, но и постоянно образуются новые типы и формы, при этом не только у народов и племён, находящихся в частичной или полной изоляции от внешнего мира. Это указывает на то, насколько глубоко укоренились религиозные представления в мышлении индивида и структуре общества. Нет, потому что массовое сознание вполне может найти себе суррогат, к которому оно будет обращаться при необходимости и рассматривать как нечто сакральное. Это соответствует общему принципу массовости: устранение довлеющего над ней элемента и узурпирование всех возможных сфер человеческой деятельности. Зачем зависеть от стороннего производства, если можно стать производителем. Продукт бу-

дет соответствовать массовой архитектоники индивида, лебоновской массовой душе, анатомии массового человека Х. Ортега-и-Гассета.

Стоит указать, что в данном случае нельзя говорить о производстве в прямом смысле этого слова, а тем более о производстве нового. Для вышеуказанного процесса необходима производственная сила, затрачиваемые ресурсы и время, период апробации и т. д. Производства как такового в данной сфере не может быть уже в силу отсутствия производительных сил. Х. Ортега-и-Гассета указывал на отсутствие у массового человека желания заботиться о сохранении и производстве благ [8]. Г. Лебон подчеркивал, что толпа (масса) не способна созидать, а её главная роль в истории – разрушение [11]. Таким образом, сам творец, производитель, инициатор не обладают тем качеством, которое необходимо для инициирования производства. Кроме того, Ж. Бодрийяр отмечал, что возникшая стадия относительности ценности привела к тому, что производительный процесс потерял самое главное – целевые установки [16]. В подобном можно обнаружить тенденцию к автоматизации и отсутствию контроля, в частности в аспекте выбора и потребления. Стоит указать, что Э. Фромм отмечал, что потребление для человека стало самоцелью и он с отстраненностью и безразличием потребляет всё вокруг себя, включая природу, общество и других людей [18]. Человек более не нуждается в удовольствии или наслаждении, так как у него нет определённой цели, а точнее её место заняла тавтологическая установка «потребление ради потребления». Более того, современный индивид не только не выбирает, что потреблять, но и уже за него сделали этот выбор. Теперь уже предложение порождает спрос. Любая конкретная цель представляет собой конкретную референтность. Но массовая мифология не может допустить того, чтобы знаки соотносились с реальностью, действия – с целью, а диалектический процесс и принцип репрезентации сопровождали мышление и деятельность индивида. Выходом является симуляция производства, а точнее воспроизводство. Иными словами, даже если какое-либо действие, то есть процесс производства, имеет место, оно есть лишь бесконечное повторение системы, в которой находится сам производящий. Массовая мифология порождает «реальность», в которой любые феномены, даже, на первый взгляд, не связанные с ней, служат её собственному дублированию.

Трата ресурсов и благ на действие, которое может не принести результатов, недопустима для массового человека. Особенно это касается материальных ресурсов, которые имеют конечный характер. Массовая мифология предпочитает использовать для формирования мифологем воспроизводимый строительный материал. Для постоянного воспроизводства самой себя эта система предпочитает употреблять знаки, символы, идеализированные формы, виртуальные компоненты и т. д. Иными словами, материал для создания и функционирования массовой мифологии должен иметь делящийся до бесконечности характер, а потому он должен максимально не зависеть от материального компонента, который имеет ограниченное деление. Подобное аналогично концепции делимости ценности М. Шелера, в рамках которой указывается, что низшие ценности зависят от количества соответствующих материальных благ, а автономные от физического материала делятся бесконечно. Таким образом, такой материал может передаваться бесконечному числу индивидов. Благодаря такой специфике создаются условия, при которых мифологемы эффективнее интегрируются в индивида, а также имеют высокую степень распространения. Более того, несмотря на то, что они направлены на сферу иррационального, сами они могут драпироваться рациональными и научными (скорее, псевдонаучными) элементами.

Радикальная рационализация имеет место в рамках формирования массовых мифологем. Однако определённые суждения и высказывания принимают лишь форму рациональности, а вместе с тем, в действительности, она представляет собой лишь пустую оболочку, которую можно заполнить любым необходимым содержанием. В ней эффективно применяются метод подстановки и подмены. Спекулятивное использование научно-технического прогресса или

открытий в науки играет роль «неопровержимого довода», а на деле лишь догмата, в качестве формально рационального доказательства массовых мифологем. Цель не столько в том, чтобы доказать их истинность как таковую, а скорее, для более успешного интегрирования в сознание индивидуума. Категория «истины» редко используется из-за того, что она требует установления конкретных критериев, что может привести к деструкции массовой мифологии. Хотя в исключительных случаях возможно обращение к ней, однако её содержание подменяется совершенно иным. Ярким примером подобного использования достижений науки и техники является трансгуманизм. Любая рационализованная или наукообразная мифологема должна исключать живое движение мысли. Иными словами, как готовый продукт, искусственная мифологема не требует собственно осмысления, анализа и критического подхода. Это схоже с мифом «фото-шоков» Р. Барта, в рамках которого человек уже лишён возможности суждения, ведь за него уже размышляли, ужасались и оценивали [15].

Время также является ресурсом, но иного характера. Для массы недопустимыми являются состояния ожидания и терпения. Время, как и пространство, обретает совершенно иную форму. При этом оно получает как собственно объективное, так и субъективное проявление. Х. Ортега-и-Гассета указывал, что скорость, присущая массам, упраздняет пространство и время, происходит вбирание большего отрезка времени в более короткий жизненный срок, наличествует сильнейший жизненный напор, а у современной эпохи доминирует идея её превосходства над иными эпохами [8]. Состояние стазиса для массового сознания является пароксизмальным, а постоянное агональное расположение сознания будет перманентно искать катализатор для реализации импульсов. Время объективное опасно для сознания масс, так как оно показывает, что не всё находится под её контролем и что она зависима от чего-то кроме самой себя. Подобное положение вещей ставит её могущество, авторитет и силы под сомнение, а массы не могут терпеть того, что стоит выше их. Таким образом, время должно лишиться собственного основания в самом себе. Оно утратит свои собственные темпоральные формы – прошлое и будущее. Иными словами, прошлое теряет свою значимость в процессе аксиологической редукции его роли для настоящего. Многие предшествующие эпохи рассматривали прошлое (концепции, идеи, тенденции и т. д.) как некие идеалы или фундамент, на котором строится настоящее. Эпоха масс характеризуется отказом от подобных ориентиров, так как время массового человека – это самое высокое, лучшее и идеальное из возможных. Аналогично и с будущим. Сверх-динамизм и идеализация момента исключают необходимость будущего как наступающего проекта. Это же исключает и необходимость зависимого ожидания.

Настоящее, несомненно, обладает узурпирующей силой. Б. Спиноза отмечал, что аффект прошлого и будущего будет слабее, чем представление вещи и аффект настоящего [19]. Кроме того, вещи, воображаемые в будущем как возможные (не имеющие места в настоящем) оказывает больший эффект, чем вещь случайная. Аналогично, что вещь присутствующая будет производить более сильное влияние, чем вещь воображаемая (в будущем), но случайная. И вместе с тем аффект к вещи воображаемой необходимой будет более напряженным, чем к вещи возможной, случайной и не необходимой [19]. Важным аспектом является то, что массовая мифология никогда не действует на человека через логику, разум и рассудок. Той почвой, на которой расцветают эти мифологемы, является область аффектов, чувственности и воображения. Справедливо отметил Б. Паскаль, что воображение пресекает действие разума и даёт глубокое довольство, которое не может дать разум [20]. Рационально-логическое отношение вызывает сомнение, замешательство и осторожность, а данные состояния не оцениваются массовым сознанием и поведением как достойные и приемлемые. Наоборот, они могут привести к деструкции искусственно интегрированных мифологем. Рациональность и логика могут присутствовать, но только как компоненты чисто поверхностные и эфемерные для актуализации и убедительности. Для мифологии масс является непри-

емлемым допускать наличие чего-то возможного или случайного, в том числе в аспекте будущности. Акциденции и вероятности – это маркёр положения вещей, при котором массы не имеют полного контроля, а также выявляется её зависимость. Массовое сознание питается только категорией необходимого. Вместе с тем необходимость отождествляется массовой мифологией и сознанием с неизбежностью, а субъективное воображение становится материалом для построения объективно-детерминированной реальности. Вероятность становится онтологической необходимостью.

Будущее как комплекс «случайностей», «вероятностей», «неопределённых возможностей» слишком тяжеловесно для массового сознания, так как для него нет ничего невозможного и не поддающегося установленной им категории «необходимого» как неизбежного. Таким образом, прошлое отчуждается как рудимент, а будущее узурпируется настоящим, чтобы лишить его неопределённости. Оба они в своей объективной форме, как бы парадоксально не звучало, являются анахронизмами: прошлое – потому что его идеи, концепции, ценности и идеалы не актуальны для настоящего, а будущее – потому что все, что оно может дать, уже предоставлено настоящим. Массы живут не только в самое лучшее и великое время, идеальнее которого не было и не будет (его не может существовать), но и вместе с тем их динамический и импульсивный характер не может допустить отсутствия ближайшего моментального осуществления своих устремлений. Даже если массовая мифология и предполагает в своей риторике наличие термина «будущее», то он лишь означает абсолютную неизбежность, которая равноценна реализации в настоящем. Это не статика «современности», как у Х. Ортега-и-Гассета [8], представляющая собой экзистенциальную «тюрьму». Но постоянное воспроизводство настоящего, его бесконечная актуализация, где всё регулируемое изобилие, в том числе наступающее (требующее времени для осуществления), включено в момент настоящего. Подобная симуляция позволяет избежать ощущения той мертвой законченности, о которой говорил Х. Ортега-и-Гассет. Радикальная эстетизация как всеобъемлющее приукрашивание момента, в частности благодаря аффектам и воображению, является эффективным инструментом для реализации вышеуказанного процесса унификации времени.

Вышеуказанное касается не только «внешнего» времени, но и «внутреннего». М. Хайдеггер подчеркивает неразрывную связь временностей. Бывшее возникает из будущего, а именно так, что бывствующее настоящее выпускает из себя настоящее [21]. Настоящее присутствие способно быть лишь таким, каким оно всегда было («уже-былым»), и именно как таковое оно способно настать в будущем, чтобы вернуться в себя. В целом временность даёт единство экзистенции, а также раскрывает множество бытийных модусов, в частности основовозможность собственной и несобственной экзистенции [21]. Аналогичное мнение высказывает Ж.-П. Сартр о единстве временности. Вместе с тем он отмечает, что психологическое единство хоть и является проекцией онтологического и экстатического единства, но его единство дробится на множество бесконечных «теперь» [22, с. 329]. При этом последние в форме уже данного, реализованного и готового. И в данном случае не стоит понимать субъективность в кантовской интерпретации пространства и времени. И. Кант устанавливает время как одно из условий чувственного восприятия/созерцания [23]. Более того, И. Кант признаёт объективность и необходимость времени в отношении явлений (но не вещей-в-себе) [23]. Массовое представление времени совершенно иное. Это постоянное механическое сведение к настоящему моменту/состоянию, в рамках которого пресекается обращение к иному – до и после, бывшему и будущему и т. д. При таком положении вещей именно время «внешнее» получает своё определение посредством и через время «внутреннее».

Динамизм и скорость – это фетиш современных масс. Э. Фромм отмечал, что обожествление машин и скорости является элементом некрофилии [24]. Эта деструктивная тенденция предполагает невероятную тягу к неживому (мёртвому), трансформацию живого в

неживое и наоборот и т. д. Основатель футуристического манифеста Ф. Маринетти писал о том, что время и пространство уже умерли вчера и человек живёт в абсолютной, созданной им вечной вездесущей быстроте [25]. Интересно, что итальянские футуристы (большинство из них поэты, художники, скульпторы, музыканты и т. д.) используют яркие образы, свойственные некрофилии: картины гниения, разложения и грязи, провозглашение разрушения естественных связей, уничтожение телесности, уничтожение «дверей жизни», обожествление похоти и сладострастия и т. д. В частности, аналогичная риторика уничтожения телесности встречается в рамках актуализации идей транзгуманизма. Данное течение формирует миф о создании абсолютно нового человека. Пост-человек – это концепция, предполагающая ментальную и физическую трансформацию человека, так как его нынешнее состояние рассматривается данным учением как болезненное, низкое и даже несоответствующее настоящему и будущему. Стоит дополнительно подчеркнуть, что яркими чертами вышеуказанных футуристов также является безудержное стремление к жестокости, разрушению, насилию, анархии, то есть всему тому, что соответствует критериям интенсивности, импульсивности и скорости. Прошлое рассматривается как топчущее и унижающее человека, а потому оно не должно не только иметь значение для настоящего, но и его отпечатки и следы (различные идеи и материальные носители) должны быть уничтожены.

Более того, итальянские футуристы возвещают о новой «религии скорости», которая порождала новую аксиологическую систему. Они провозглашают эпоху массы и её же они боготворят. Можно привести следующий пример подобных мифологем. Р. Барт писал о формировании особого мифа о пилотах реактивного самолёта (Jet-Man), согласно которому скорость – это удел подобных индивидов, и даже более того – указывал на рождение нового человека [15]. Скорость таким образом не что-то особое, опасное, выделяющееся из повседневности, но новая обыденность. Более того, подобные индивиды могут быть охарактеризованы как призванные Богом или как обладающие полубожественностью [15]. Итак, итальянские футуристы считали, что скорость необходимо рассматривать как форму молитвы, надо поклоняться высоким скоростям, а у Бога просить быстроты и т. д. Иными словами, искусственная сакрализация феноменов объективной реальности трансформируется в формирование эфемерной институциональной формы – псевдорелигии. Вместе с тем это не указывает на то, что вера в неё менее искренняя и интенсивная, даже наоборот, а только на то, что выход за пределы религиозного позволяет создать иные её формы.

Массовая мифология имеет аналогичные черты и вместе с тем приобретает аналогичный недуг – некрофилические тенденции. Наиболее яркий показатель феномена воспроизводительности (а не производительности) и некрофилических тенденций – современная индустрия развлечения. Сюда можно отнести такие явления, как киноиндустрия, видеоигры, литература и т. д. Именно в этой сфере впервые, а также наиболее интенсивно проявляется массовость, так как это любимейшая и наиболее желаемая плоскость массового человека. Эти феномены пытаются оживить темы, сюжеты, «вселенные», которые уже изжили себя и «умерли». Мы лишь видим некие останки, наблюдаем «воскрешённый труп», который пытаются (естественно приукрашивая его новыми деталями или цифровыми технологиями) представить как нечто живое и новое. Например, киноиндустрия, в попытке выпустить потенциально успешно потребляемый продукт, идёт простейшим путём воскрешения мотивов, сюжетов, «вселенных» и т. д., которые были популярны 20–30 лет назад и более. Как правило, это могут быть «перезапуски» фильмов с высоким рейтингом. Также сюда можно отнести высокую тенденцию к различным сиквелам, приквелам, интерквелам, кроссоверам, спин-оффам и т. д. Ещё один пример – индустрия производства видеоигр. Многие студии прибегают к ремейкам и ремастерингу уже ранее существующих игр. Кроме того, для данной сферы характерным является постоянное производство большого количества частей и дополнений одной игры, хотя сам сюжет и повествование давно изжили себя.

Итак, современный индивид не терпит вмешательства объективного времени в свою обыденную жизнь и стремится обрести контроль над ним. Это схоже с идеей Ж. Бодрийера о том, что феномен коллекции (коллекционирования) подменяет собой время [26]. Человек переживает постоянно и циклически-контролируемо процесс своего существования, символически преодолевая реальное существование, неподвластное ему в своей необратимой событийности [26]. Современные технологии позволяют человеку не зависеть от времени и пространства, ведь они пошатнули их естественный всеобъемлющий и контролирующий характер. Дискретность и фрагментарность – это то состояние индивида, которое соответствует плоскости массовой мифологии. Он составляет себе ряд последовательных, в частности желаемых, фрагментов, исключая негативные компоненты. Или он может растягивать один фрагмент своего существования, придавая ему символическую форму континуума.

Стоит отметить несоответствие, которое обнаруживается при анализе ментальности массы: соотношение между стремлением к динамизму и дискретностью. Это противоречие не является диалектическим, а потому в результате не восходит к объективному единению. Риторике масс хорошо передаёт высказывание итальянских художников-футуристов: «Движение, которое мы хотим воспроизвести на полотне, не будет более закреплённым мгновением всемирного динамизма. Это будет само динамическое ощущение» [25, с. 11]. Таким образом, динамизм должен преодолеть некое прерывание, застывленность и статику. Но также, учитывая динамику исключения вне субъективных форм времени и пространства как автономных, этот самый континуум лишается своей монолитности через тенденцию искусственной консолидации определённых фрагментов индивидуальной экзистенции или через бесконечное продление одного конкретного момента. Это противоречие решается одновременно в двух плоскостях: мифологической и субъективной. Массовая мифология создаёт представление о ликвидации времени и пространства, а также о динамизме, что их поглощает. Субъект, интегрируя эти идеи, подпитывает мифологемы, которые только усиливают своё влияние на него, через собственную экзистенцию и мироощущение. Таким образом, настоящее в своём бесконечном движении, неважно искусственно синтезированный этот блок представлений или один абсолютный момент, абсорбирует прошлое и будущее.

Особенно для этих целей подходит виртуально-цифровое пространство. Оно обладает собственным временем и пространством, своими правилами, а также автономией по отношению к объективной реальности. Всё это позволяет индивиду не просто игнорировать время и пространство, но и сделать их условно подконтрольными себе. Они становятся атрибутами его экзистенции, как вещи, которые его окружают и над которыми он властен.

Массовая мифология также является производительницей и держательницей автономного времени и пространства. М. Элиаде отмечал, что мифологическое время отлично от хронологического (светского) и что оно обладает своим пространством и энергией [7]. Дж.Ф. Бирлайн указывал, что священное время – это отдельное время для отдельной реальности, лежащее за пределами обыденной хронологии [27]. Подобная сепарация своей сферы становления, функционирования и влияния прослеживается и в рамках реализации массовой мифологии. Подобно традиционному мифу массовая мифология хаотична и, на первый взгляд, непоследовательна. Стоит подчеркнуть следующие особенности традиционного мифа. К. Кереньи указывал на особую текучесть мифологии, когда в мифах боги сначала могли быть взрослыми, а затем присутствовали в образе младенца, в частности на примерах Гермеса, Аполлона и Зевса [12]. Иными словами, к мифологии не применимы традиционные принципы хронологической и биографической последовательности, а также радикального рационализма. Аналогичного мнения придерживался М. Элиаде [7] и Р. Отто [9]. Хотя первый рассматривал миф как историю. У Дж. Кэмпбелла более радикальная позиция, которая заключается в том, что необходимо чётко отделять миф от биографии, истории и науки [13]. Иными словами, редукция мифа к любой из этих сфер может привести к демифологизации, а

соответственно к потере первоначального значения и смысла. Заимствование полиморфности и хаотичности традиционного мифа предоставляет массовой мифологии удобный и функциональный инструмент для актуализации и адаптации.

Производимые массовой мифологией мифологемы, аналогично ритуальным действиям, погружают индивида в особую бытийную сферу. Но если для традиционного мифа или религии необходимо конкретное сакральное место, то массовой мифологии такое условие не требуется. Дело в том, что весь мир (материальный и психический) и есть для неё храм, церковь или священная роща. Это и позволяет ей интенсивнее и эффективнее интегрировать искусственные мифы в сознание индивидов. Г. Лебон отмечал, что для толпы (массы) необходимым, желаемым является легендарное и чудесное [11]. И, несомненно, зачем массовому человеку ограничивать себя одной лишь сферой (например, религиозной), чтобы приобщиться к чуду, если всё вокруг становится таковым. Массовая мифология совершает транспозицию «чудесного» из ограниченной плоскости и распространяет его на все сферы человеческого бытия (политика, социум, экономика и т. д.). Все сферы жизни, особенно те, что отвечают потребности в досуге и развлечении, переполнены различными невероятными событиями, поражающими сознание, или персоналиями, для которых устанавливается статус культурных героев и божеств.

Однако «чудо» массовой мифологии отличается от своего религиозного (сакрального) прототипа. Р. Отто указывал, что всё что вызывает оцепенение и изумление, пугающее и изумляющее вызывает ощущение «чуда» [9]. Оно всегда присутствует в повседневной деятельности. И более того, его всегда ожидают, повествование о нём передаётся другим, а также оно постоянно изобретается и открывается. Чудо является истоком религиозного творчества и частью культовых действий. Вместе с тем оно всегда нечто чуждое [9]. Такую категорию, как «чудо», массовая мифология не просто использует, но и эксплуатирует в трансформированной форме. Она разбирает его на мельчайшие компоненты, перебирает и оставляет только те «детали», которые соответствуют её архитектонике. Стоит указать, что работа мозга такова, что выделяющиеся культурные артефакты, в том числе религиозные, получают большее распространение [10]. Они стимулируют больше когнитивных систем, что и делает их предпочитаемыми по сравнению с иными. Вместе с тем для массового сознания «чудо» не может оставаться чуждым. Оно может удивлять, привлекать, завораживать, оно даже может обладать чрезмерной силой и мощью, как нуминозное чувство, но оно должно быть безопасным. Масса любит силу, и она обладает способностью околдовывать и подчинять её. Но массы желают либо владеть этой мощью, либо сделать её «ручной» и управляемой, ведь абсолютный контроль над всем, что возвышается над массами, является важным её императивом. Нуминозное должно быть частью установленного порядка, и даже если сам индивид не является носителем каких-то выдающихся качеств, он должен иметь контроль над ними и постоянный доступ к ним, в частности для эксплуатации. Феномены «чудесного» объективизируются и овеществляются, тем самым исключая его потусторонность. Таким образом, обладая такой вещью/предметом и потребляя его, индивид приобщается к этой силе («чуду»). «Чудесное» – это продукт повседневного и общего пользования, рафинированный и безопасный, легко потребляемый и не требующий усилий. Оно не должно ограничиваться собственной сферой (лишь нуминозного), поэтому массовая мифология конструирует это в форме всеобщего феномена. Подобное снятие ограничений дублируется ещё одним разрешением – временным и пространственным. Нет необходимости демаркации, то есть выделения сакрального времени и пространства, так как индивид уже находится в нём в рамках действия массовых мифологем. Кроме того, благодаря качествам этих мифов уже нет необходимости претерпевать ожидание, которое так презирают массы, ведь именно оно связано с отсутствием динамики и пассивностью. Подобное положение вещей представляет собой симуляцию «возвращения в мифологическое время» (космогоническое), то есть идеальное время, кото-

рое является целью ритуальных практик. Р. Отто подчёркивал, что на более высокой ступени развития религиозного чувства, феномен чуда блекнет [9]. Иными словами, оно носит лишь второстепенный характер, яркого представления и даже фокуса (М. Лютер). Совершенно иное положение вещей в парадигме развития массовой мифологии. «Чудо» должно быть именно таким, чтобы будоражить фантазию индивида, то есть быть ярким, броским, вызывающим чувства и инкарнированным в материальной плоскости для усиления эффекта. Слух, зрение, осязание, обоняние, вкус должны находиться в экзальтации от столкновения с «чудесным». Современные массмедиа и виртуальное пространство целенаправленно стимулируют именно сенсуальный комплекс, в частности для интегрирования той или иной идеи.

Стоит подчеркнуть, что массовые мифологемы строятся на фундаменте принципов магического мышления. Логика магических действий основана на идее возможности манипуляции и контроля явлений, в том числе сверхъестественных, так как они подчиняются определённому закону или формуле. Рецептурный характер даёт возможность прагматического использования сил, на которые направлены магические действия. Более того, они чаще всего связаны с повседневной деятельностью: удача на охоте, богатый урожай, противодействие засухе, избавление от болезней и т. д. Массовое сознание верит в наличие аналогичных универсальных формул, при использовании которых даже «чудесное» находится в тотальной зависимости от индивида.

Массовая мифология создаёт специфическую реальность, в границах которой пребывает индивид. П. Бергер в рамках своей триады «экстернализация–объективизация–интернализация» в парадигме формирования социальной реальности указывал на необходимость симметрии между объективным и субъективным определением реальности [28]. Иными словами, возникающий диссонанс и последующая девальвация социальной реальности (или аномия, по П. Бергеру) должны быть оправданы. И в этом основная цель легитимизации (социально объективированного знания). Противоречие возникает на стыке взаимоотношения субъективного (желаемого, должного) и объективного (имеющегося, наличного), однако данная проблема решается абсолютным тождеством этих плоскостей. Если социальная реальность есть продукт индивида (через процессы экстернализации и объективизации), а он сам продукт социализации (интернализация), то можно представить эффективность инструментов реальности, созданной массовой мифологии, которая устанавливает удовлетворенность, потребляемость, изобилие и т. д. как универсальные и всеобщие критерии. Несомненно, что удовлетворение всех потребностей невозможна, особенно если они связаны с материальным аспектом (например, экономическим), но установленное долженствование реализации и размытые границы дозволенного компенсируют этот недостаток. И здесь обнаруживается яркий контраст между объективной (социальной) и реальностью искусственной мифологии. Р. Мертон отмечал, что для достижения успеха (требований группы) индивид может прибегать к незаконным, но более эффективным по сравнению с институциональными, способам и методам [29]. Законы и правила социальной реальности могут быть крайне жёсткими и устанавливать больше запретов и ограничений, чем разрешений. Сфера массового мифа, создающая образ реальности, наоборот, строит свою внутреннюю политику на дозволении и разрешении. В подобной парадигме вещей набор средств достижения успеха расширяется, но вместе с тем граница дозволенного приближается к черте, за которой лежат инструменты (средства достижения успеха), которые ни в какой возможной ситуации невозможно признать приемлемыми. Иными словами, остаются лишь недопустимые инструменты и вопрос лишь в том, когда индивид в погоне за успехом, богатством, благополучием решится воспользоваться этим запрещённым, но эффективным. Массовая мифология может также прибегать к воспроизводимым (нематериальным) ресурсам, в том числе в рамках подстановки содержания желаемого или преднамеренного его формирования, что обеспечивает ей бесконечный запас и неограниченное деление потребляемого.

Авторитет и религиозно-духовная монополия одной религии часто являлись важным элементом той или иной социальной системы. П. Бергер подчеркивал, что религиозная легитимизация, связывающая социальную и сакральную реальности, необходима для укрепления шаткой структуры общества с его нормами, принципами, законами и т. д. [28]. Нуминозное выступает в данном случае как гарант должностования и правильности (нормативного соответствия) всех процессов и событий, происходящих в жизни человека и общества. Сам этот гарант должен быть абсолютным, неограниченным в силах и возможностях, бесконечным и вечным (как, например, Бог или космический закон). Выше было отмечено, что массы не терпят то, что превосходит их. Зачем таким образом искать и ставить кого-то или нечто над собой, если этот гарант – сам индивид. Он неограничен в силах и возможностях, ведь он живёт в эпоху, когда нет ничего невозможного. Кроме того, подобное «всесилие» является «императивом» массового сознания. Бесконечным и вечным индивид является по причине того, что действительно только настоящее. Прошлое отрицается как рудимент, что девальвирует значение генезиса и становления для индивидуума. Истинный «Бог» не может быть рождён, ведь рождение – его онтологическое ограничение. Будущее как возможность казуальности также не соотносится с образом высшего существа. Оно просто «есть», и оно не зависит от феноменов прошлого и настоящего. Это «есть» и представляет собой настоящее (момент) индивида, и оно не отягощено тяжеловесными формами временности, как прошлое и будущее. Если традиционно религиозное стремится поместить человека в систему координат вселенной, то в этом нет необходимости, если он сам есть эта вселенная. Нуминозное (религиозное) в подобной парадигме вещей есть не более чем суррогат, но вместе с тем вполне может выполнять аналогичную функцию, в частности благодаря пространству массовой мифологии.

Фактического нахождения в одном месте определённого количества отдельных индивидов недостаточно, чтобы говорить о том, что их единение можно классифицировать как толпу (массу). Г. Лебон указывал, что в рамках образования данного феномена имеется исчезновение индивидуального сознания и ориентирование чувств и идей в известном направлении, но это не требует от индивидов непосредственного нахождения в одном месте и одно время [11]. Иными словами, должен существовать ряд внешних и внутренних факторов, которые инициируют образование массы. Вместе с тем Г. Лебон также указывает, что аспект локального и темпорального единства важен, чтобы возникла толпа [11]. Однако в подобной «соборности», по крайней мере в аспекте местопребывания, в современном мире нет необходимости. Благодаря современным технологиям и информационным средствам подобные массовые группы могут быть дистанционными. Им не обязательно быть группой физически, так как виртуальное пространство реализует некую «соборность», даже при локальном и временном «одиночестве» индивида. При этом индивиду интегрируется идея о его особой индивидуальности. Массовые мифологемы обращаются к нему через СМИ и элементы культуры, стимулируя именно необходимые чувства и образы для создания массового индивида.

Стоит отметить следующее противоречие: потенциальную активность современных масс и их физическую (реальную) пассивность. Действительно, массы склонны к импульсивности, высокому динамизму, сверхактивности, однако лишь при определённых условиях. Кроме того, их стимуляция зависит от ситуации (например, какого-то события, которое вызывает взрыв чувств и эмоций), но и имеет темпоральную зависимость (их активность имеет временный характер по причине чрезмерности затрачиваемых психических и эмоциональных ресурсов). Можно предположить, что в настоящее время наличествует новый тип массового человека. Дело в том, что его активность уже не имеет яркой хаотичности и случайности. И здесь есть несколько факторов, которые произвели такое изменение. Во-первых, сама массовая мифология является своеобразной «ситуацией», которая регламентирует импульсивность масс. Во-вторых, принцип потребляемости, который устанавливает легковесность и

простоту продукта, даёт возможность замены одного потребляемого другим, когда возникает дефицит первого. Такая подмена может быть прямой (например, актуализация иного продукта), косвенной (заменяется содержание) или формально-новаторской (инновация или модернизация старого). Это свойственно не только материальным продуктам, но и идеям (образам). В-третьих, виртуальное пространство, в котором в настоящее время происходит движение масс, само по себе «гасит» порывы, то есть служит ингибитором импульсивности. Это не значит, что массы не могут выплёскивать свои настроения и действия в объективном мире. Это лишь указывает, что массы могут иметь реализацию своих порывов лишь в рамках принципа «разрешённого протеста». Такое противодействие не только не принесёт никакого вреда системе, но и способствует её утверждению. Например, острая социальная или иная повестка может быть легитимирована в рамках достижения социально-политических целей, при этом она становится оправданием для любых разрушительных, деструктивных и репрессивных действий масс в объективной реальности.

Итак, нуминозное инициируется в парадигме погружения индивидуума в плоскость массовой мифологии, с последующим влиянием на него и определением его вектора поведения. Вызов «нуминозного» чувства представляет собой одним из инструментов массовой мифологии. Р. Отто отмечал, что одним из способов пробуждения и выражения нуминозного чувства являются средства выражения родственных ему или схожих с ним естественных чувств [9]. Этими естественными чувствами могут быть страх, восхищение, удивление и т. д. Они не являются нуминозным как таковым, но лишь средствами и ступенями восхождения чувственности к нему. Аналогично и с массовой мифологией, с одним отличием: чувства должны восходить, собственно, не к нуминозному со всеми его специфическими качествами и свойствами, но к самой этой мифологии. Иными словами, наблюдается возвращение обратно к мифологеме, её утверждение и постоянное воспроизводство. Это постоянное переутверждение всё той же массовой плоскости, вне которой не может существовать ничего. Можно установить следующую последовательность: мифологемы производят идеи (образы), в том числе своё «сакральное», при этом формируя чувства индивида, а затем сам индивид начинает инкарнировать интегрированные представления в реальность. Но, как и феномен чуда, времени-пространства и т. д. нуминозное не выходит за границы: оно указывает лишь на ту искусственную плоскость, в которой пребывает индивид.

Массовая мифология по своим характеристикам очень схожа с традиционным мифом, однако диапазон распространения и влияния намного шире, что обуславливает ту интенсивность, с которой интегрируются и укрепляются искусственные мифологемы в мышлении индивида. Благодаря таким характеристикам данная мифология вполне может быть альтернативой традиционным религиозно-мифологическим системам. Как готовый суррогат массовая мифология может удовлетворять определённые религиозные потребности индивида. Однако подобное положение вещей не отменяет того, что собственно сакральное (мифологическое) будет просачиваться сквозь плотные пласты симуляций и искусственных конструкторов. Мифологическое может быть выражено в рамках «живой» мифологии, а также в рамках становления «мифологии прорыва», которая предполагает сознательную и бессознательную (чаще последнее) актуализацию религиозных мотивов, содержаний, смыслов и т. д. в форме нерелигиозного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mass society and media / P. Long, B. Johnson, S. MacDonald, S. Rogerson Bader, T. Wall // Media Studies: Texts, Production, Context. – London, UK: Routledge, 2021. – P. 390–413. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315690834-13>.
2. Kornhauser W., Horowitz I.L. Two views of mass society // The Politics of Mass Society. – New York, NY: Routledge, 2017. – P. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-1>.
3. Kornhauser W., Horowitz I.L. Mass society and democratic order // The Politics of Mass Society. – New York, NY: Routledge, 2017. – P. 227–238. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-13>.

4. Lerner M. Freedom in a mass society // *Tocqueville and American Civilization* / Ed. by S.E. Wallace. – New York, NY: Routledge, 2020. – P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429339516-6>.
5. Philosophy of mass culture and consumer society: worldview emphasis / M. Zhylin, U. Maraieva, L. Krymets, T. Humeniuk, L. Voronovska // *Revista Amazonia Investiga*. – 2023. – Vol. 12. – Iss. 65. – P. 256–264. DOI: <https://doi.org/10.34069/ai/2023.65.05.24>.
6. DeFleur M.L., DeFleur M.H. The Concept of mass society // *Mass Communication Theories: Explaining Origins, Processes, and Effects*. – New York, NY: Routledge, 2022. – P. 93–108. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003083467-8>.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2010. – 251 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2018. – 256 с.
9. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 272 с.
10. Буайе П. Объясняя религию: природа религиозного мышления. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 496 с.
11. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.
12. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – М.: Port-Royal, 1997. – 384 с.
13. Кемпбелл Дж. Тысячеликий герой. – СПб: Питер, 2018. – 352 с.
14. Докинз Р. Перерастая бога. Пособие для начинающих. – М.: АСТ, 2022. – 256 с.
15. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2014. – 351 с.
16. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2015. – 392 с.
17. Nneoma A. Anozie. A discourse on mass media and society // *Media Influence: Breakthroughs in Research and Practice*. – Hershey, PA: IGI Global, 2018. – P. 422–438. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3929-2.ch023>.
18. Фромм Э. Отделение от себя // *Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса»*. – М.: Алгоритм, 2009. – С. 97–104.
19. Спиноза Б. Этика. – М.: АСТ, 2001. – 336 с.
20. Паскаль Б. Мысли. – М.: Астрель, 2009. – 253 с.
21. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2015. – 460 с.
22. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. – М.: АСТ, 2020. – 1072 с.
23. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2014. – 736 с.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2016. – 624 с.
25. Манифесты итальянского футуризма: собрание манифестов. – М.: Русское товарищество, 1914. – 77 с.
26. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 256 с.
27. Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 336 с.
28. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.
29. Мертон Р. Вызов демона антисоциального поведения // *Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса»*. – М.: Алгоритм, 2009. – С. 23–40.

Информация об авторах

Николай Иванович Петев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87; cyanideemo@mail.ru

Поступила в редакцию: 04.12.2024

Поступила после рецензирования: 23.12.2024

Принята к публикации: 29.03.2025

REFERENCES

1. Long P., Johnson B., MacDonald S., Rogerson Bader S., Wall T. Mass society and media. *Media Studies: Texts, Production, Context*. London, UK, Routledge, 2021. pp. 390–413. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315690834-13>
2. Kornhauser W., Horowitz I.L. Two views of mass society. *The Politics of Mass Society*. New York, NY, Routledge, 2017. pp. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-1>.
3. Kornhauser W., Horowitz I.L. Mass society and democratic order. *The Politics of Mass Society*. New York, NY, Routledge, 2017. pp. 227–238. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315133980-13>.
4. Lerner M. Freedom in a mass society. *Tocqueville and American Civilization*. Ed. by S.E. Wallace. New York, NY, Routledge, 2020. pp. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429339516-6>.
5. Zhylin M., Maraieva U., Krymets L., Humeniuk T., Voronovska L. Philosophy of mass culture and consumer society: worldview emphasis. *Revista Amazonia Investiga*, 2023, vol. 12, Iss. 65, pp. 256–264. DOI: <https://doi.org/10.34069/ai/2023.65.05.24>.

6. De Fleur M.L., De Fleur M.H. The Concept of mass society. *Mass Communication Theories: Explaining Origins, Processes, and Effects*. New York, NY, Routledge, 2022. pp. 93–108. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003083467-8>
7. Eliade M. *Aspects of the myth*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2010. 251 p. (In Russ.)
8. Ortega-i-Gasset H. *The uprising of the masses*. Moscow, AST Publ., 2018. 256 p. (In Russ.)
9. Otto R. *Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relation with the rational*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. House, 2008. 272 p. (In Russ.)
10. Buaje P. *Explaining religion: the nature of religious thinking*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2018. 496 p. (In Russ.)
11. Lebon G. *Psychology of peoples and masses*. Moscow, AST Publ., 2010. 320 p. (In Russ.)
12. Yung K.G. *Soul and myth. Six Archetypes*. Moscow, Port-Royal Publ., 1997. 384 p. (In Russ.)
13. Campbell J. *The thousand-faced hero*. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 352 p. (In Russ.)
14. Dokinz R. *Outgrowing God. Handbook for beginners*. Moscow, AST Publ., 2022. 256 p. (In Russ.)
15. Bart R. *Mythologies*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2014. 351 p. (In Russ.)
16. Baudrillard J. *Symbolic exchange and death*. Moscow, Dobrosvet Publ., 2015. 392 p. (In Russ.)
17. Nneoma A. Anozie. A discourse on mass media and society. *Media Influence: Breakthroughs in Research and Practice*. Hershey, PA, IGI Global, 2018. pp. 422–438. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-3929-2.ch023>.
18. Fromm E. Separation from yourself. *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*. Moscow, Algoritm Publ., 2009. pp. 97–104. (In Russ.)
19. Spinoza B. *Ethics*. Moscow, AST Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)
20. Paskal B. *Thoughts*. Moscow, Astrel Publ., 2009. 253 p. (In Russ.)
21. Haydegger M. Being and time. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 460 p. (In Russ.)
22. Sartre J.-P. *Being and nothing*. Moscow, AST Publ., 2020. 1072 p. (In Russ.)
23. Kant I. *Criticism of pure reason*. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 736 p. (In Russ.)
24. Fromm E. *The anatomy of human destructiveness*. Moscow, AST Publ., 2016. 624 p. (In Russ.)
25. *Manifestos of Italian Futurism: a collection of manifestos*. Moscow, Russkoe tovarishchestvo Publ., 1914. 77 p. (In Russ.)
26. Baudrillard J. *System of things*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 256 p. (In Russ.)
27. Birlein J.F. *Parallel mythology*. Moscow, KRON-PRESS Publ., 1997. 336 p. (In Russ.)
28. Berger P. *The sacred veil. Elements of the sociological theory of religion*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
29. Merton R. Summoning the demon of antisocial behavior. *Crisis of consciousness: a collection of works on the «philosophy of crisis»*. Moscow, Algoritm Publ., 2009. pp. 23–40. (In Russ.)

Information about the authors

Nikolay I. Petev, Cand. Sc., Associate Professor, Vladimir State University, 87, Gorky street, Vladimir, 600000, Russian Federation; ; cyanideemo@mail.ru

Received: 04.12.2024

Revised: 23.12.2024

Accepted: 29.03.2025